

В. С. БЕЛОВА

**О ЦЕЛОСТНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ШКОЛЬНИКАМИ
ПОЭМЫ Н. А. НЕКРАСОВА
«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»**

Значение целостности в постижении литературного произведения не нуждается в пространных доказательствах. В конечном счете вся работа над текстом в школе имеет одну цель — помочь учащимся глубже понять произведение как художественное единство.

Но достижение целостности восприятия художественного произведения оказывается трудной задачей, и самостоятельное чтение зачастую дает учащимся весьма фрагментарное представление о произведении, а школьный анализ нередко останавливается на стадии «разчленения».

Давно замечено, что поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» обычно существует в сознании школьников не как целостное произведение, но как некая совокупность образов, песен, легенд.

Как правило, ученики запоминают жизненные истории наиболее полно обрисованных героев поэмы, проявляют интерес к острым в социально-психологическом отношении эпизодам¹.

У некоторых учеников уже после первого чтения поэмы возникают попытки обобщения, хотя основываются они главным образом на наблюдениях за действиями героев, движениями событий в рамках одного, иногда двух-трех эпизодов: «Интерес у меня вызвала сцена, где народ дает Ермиле Гирину деньги, чтобы тот смог купить мельницу. Здесь проявляются истинно русские черты характера народа: «Уж сумма вся исполнилась, А

---

¹ Опираемся на материалы нашей опытной работы, которая велась в течение 1978 — 1979, 1979 — 1980 гг. в 47, 50, 365 средних школах г. Ленинграда.

щедрота народная росла: «Бери, Ермил Ильич, отдашь, не пропадет!» Видимо, народ хорошо знал Гирина».

У отдельных учащихся появляется представление и о сложности народного сознания: «Образ Савелия противоречив, конфликтен, Савелий понимает, что не смиренным, а топором надо добывать волку. И он же, бунтарь, видит в терпении проявление богатства:

А потому терпели мы,

Что мы — богатыри.

В том богатство русское. (III, 267).

С одной стороны, он утратил твердую веру в бога, в божью помощь и доброго царя, о чем свидетельствуют его слова: «Высоко бог, далеко царь». С другой стороны, после гибели Демушки, которая произошла только по его вине, Савелий обращается к религии: он идет на покаяние в монастырь, а Матрене Тимофеевне, матери Демушки, говорит:

Кори, казни меня!

А с богом спорить нечего.

Стань! Помолись за Демушку!

Бог знает, что творит... (III, 278).

Но стремясь к обобщениям, устанавливая причинно-следственные связи, ученики в преобладающем большинстве редко выходят за рамки сюжетно-событийных соотношений², поэтому и авторская позиция воспринимается неполно, через героев, постигаемых главным образом в сюжете: «В образе крестьянина Савелия, богатыря святорусского, поэт олицетворяет могучие силы, непреклонное упорство и богатырскую стойкость русского народа. Савелий становится во главе крестьянского бунта против помещичьего управляющего немца, который довел крестьян до полного разорения... Некрасов доволен тем, что крестьяне, долгое время бывшие забитыми, беспомощными, теперь проявляют недовольство и встают против старой жизни».

Естественно, что при таком подходе у большинства учеников возникает упрощенное представление о разрешенности поставленных автором проблем.

---

² Подобное явление отмечено Н. Д. Молдавской при изучении восприятия девятиклассниками рассказа К. Г. Паустовского «Стекольный мастер». См.: Молдавская Н. Д. Опыт изучения читательского восприятия старших школьников. В сб.: Восприятие учащимися литературного произведения и методика школьного анализа, М., 1974.

«Поэт правильно решил проблему счастья: истинное счастье можно приобрести лишь в борьбе за уничтожение самодержавия, в борьбе за освобождение простого народа».

«Можно думать, что в образе бунтаря Савелия Некрасов стремился показать счастливого человека, потому что его жизнь была трудна, но прекрасна, полна любви к людям, за которых он пошел на каторгу...».

Вне поля зрения учеников, сосредоточенных на фабуле, событийности, остаются необходимые для понимания единства поэмы ее композиционные особенности.

Методические пособия, посвященные изучению поэмы в школе, неизбежно обращаются к вопросу о связи, соотношении эпизодов и частей. Но вопрос о том, как вести учащихся к постижению этой связи, недостаточно прояснен: в частности, в тени остается заслуживающий внимания вопрос о структуре авторского повествования. Естественно, в школе недостижима полнота в освещении этой сложной проблемы, однако показать доминирующие особенности структуры повествования мы все-таки можем.

Прежде всего читателям-девятиклассникам надо понять, почему свое повествование автор ведет через призму духовного опыта рассказчиков. Половина текста поэмы дается как рассказы (из рассказов состоят целые главы: «Поп», «Помещик», «До замужества», «Савелий, богатырь святорусский», «Демидушка», «Волчица»), в общей сложности в поэме треть персонажей — рассказчики. Ими открыто, «на миру», и высказывается основной смысл произведения.

Наличие системы рассказчиков можно считать важнейшей особенностью сложной и многосоставной структуры повествования в «Кому на Руси жить хорошо», соответствующей замыслу поэмы: показать пробуждение и развитие народного самосознания.

Если включить в процесс изучения поэмы анализ образов героев-рассказчиков, которые так или иначе соотносятся с образом автора-рассказчика и многосторонне, светом разных сознаний освещают повествование, — ученикам полнее откроется эпический мир поэмы в целом и авторская личность, стоящая за ним. Основной рассказчик (повествователь) в большей степени динамичен в тексте поэмы, нежели в знакомой ученикам поэме «Мороз, Красный нос»: многообразны интонации повествователя, его обращения к героям, к читателю, повествование осложнилось многочисленными рассказчиками.

Самостоятельно девятиклассники не видят этой закономерности. Так, они запоминают историю Ермилы Гирина, но не обращают внимания на рассказывающих о нем крестьянина Федосея и «попика седенького». На вопрос: «Как раскрываются в своих рассказах герои?» — первоначально даются односложные ответы:

«Федосей хвалит Ермилу, считает его счастливым, т. к. Ермила честен, справедлив».

«Ермила пользуется у крестьян большим авторитетом, потому что он честен, никогда не берет взятку. Крестьянин Федосей говорит о нем с уважением:

А он и посоветует,
И справку наведет;
Не хватит силы — выручит,
Не спросит благодарности».

Тут оказывается полезным такой прием: мы просили найти в тексте меткое слово, которым «попик седенький» характеризует рассказ Федосея. Слово находится быстро:

«...или странникам
ты сказку говоришь».

Естественно рождается новое задание: сравнить рассказ Федосея с народной сказкой (например, со знакомой им сказкой «Иван — крестьянский сын и чудо-юдо»). Ученики замечают, что в рассказе Федосея, как в сказках, выведен умный, смелый, добрый герой, который выходит победителем из схватки с хитрым и коварным противником. Они улавливают близость представлений Федосея об идеале народному мироощущению, запечатленному в фольклоре:

«Федосей рассказывает о Ермиле так, как рассказывают сказку. Понятно почему: ведь он воспитан на народной сказке. Ермила, как сказочный герой, проходит ряд испытаний, главное из них — сражение, «бой» с купцом Алтынниковым, и из всех выходит победителем... И конец рассказа Федосея, как в сказке, счастливый:

От должности уволился,
В аренду снял ту мельницу
И стал он пуще прежнего
Всею народу люб... (III, 217).

Но силу ему дает не колдовство, а правда».

Вмешательство «попа седоволосого», его позицию в рассказе ученикам понять сложнее. Здесь особенно ошутимо проявляется наивный, «бытовой» подход: для учеников не важно, что именно и как говорит об этом попе

автор: уловив по первым строчкам, что поп укоряет рассказчика-крестьянина, они, не вникая в дальнейшее, утверждают, что «поп чернит Ермилу».

Оказывается достаточным выразительно прочитать текст, чтобы ученики уловили иронию, с которой «попик» говорит о начальстве, о «государевом посланце», и глубоком сочувствие в его словах о бунтовщиках. Тот факт, что Ермил согрешил, в глазах попа не снижает его нравственной ценности. Ведь Ермил не только отрекся от греха, но и пострадал за истину. Это особенно близко попу, бунтарю по натуре.

Учет точек зрения рассказчиков, спорящих меж собой и вместе с тем дополняющих друг друга, создает в сознании читателя более полное и более сложное, динамичное представление о герое, предмете рассказа, а также о внутреннем мире самих рассказчиков — и вместе с тем дает представление о манере повествования в поэме.

Наиболее полно роль рассказчика-мыслителя, рассказчика-художника раскрывается для учащихся при изучении части «Крестьянка».

Ученики, в памяти которых еще так жив образ Катерины А. Н. Островского, ее поэтические монологи с фольклорными образами «ветра буйного», «вольной птицы», находят метафорические образы в речи Матрены Тимофеевны, помогающие понять своеобразную поэтичность ее сознания, сформированного фольклором. Матрена Тимофеевна говорит о своей суровой доле, постоянно обращаясь к параллелям, найденным ею в природном мире. Эти метафоры выводят рассказ за пределы конкретной ситуации, рождая емкий образ судьбы — «горя лютого», которое настигает и крестьянку, и пташечку, и волчицу:

Впереди летит — ясным соколом,
Позади летит — черным вороном,
Впереди летит — не укатится,
Позади летит — не останется.. (III, 281—282).

В духе народно-поэтического творчества она соединяет быль с мечтой об иной жизни, творит воображаемый мир, выражая свои переживания и стремления в песнях.

Учащиеся разбираются в сложной структуре рассказа Матрены Тимофеевны: в нем возникают воспоминания, песни, слышится голос Савелия, «старницы божией». Сначала они не придают значения тому, что образ Савелия рождается в рассказе Матрены Тимофеевны, но,

задумавшись о том, как строится рассказ («рассказ в рассказе»), замечают, что рассказ о Савелии — это в то же время и самохарактеристика рассказчицы, во многом объясняющая своеобразие ее духовного склада: ее способность входить душой во внутренний мир другого человека, живое ощущение своей связи с прошлым.

Работа над текстом главы «Савелий — богатырь святорусский» помогает ввести в круг представлений учеников о повествовании в поэме еще одну важную деталь. Беседа-спор Матрены Тимофеевны и Савелия соответствует характеру всего повествования, формирующего образ мужицкой мысли, серьезной и ищущей. Движение ее здесь особенно ощутимо. Монолог сменяется диалогом, в котором рассказчица отступает на второй план, как бы вызывая героя на беседу. Сначала она задает Савелию вопросы, в которых можно увидеть только интерес к его жизненной истории, желание услышать продолжение:

«Да как же так, Савельюшка?» (III, 261)

Или:

«Ты начал, так досказывай!

Ну жили — не тужили вы,

Что ж дальше, голова?» (III, 262).

Но в следующих вопросах ее бьется настойчивое желание дознаться причины установившегося порядка жизни:

«Как вы терпели, дедушка?» (III, 267).

Сначала Савелий доказывает, что в терпении — богатство:

...И гнется, да не ломится,

Не ломится, не валится...

Ужли не богатырь? (III, 267).

Ученики обращают внимание, что и Савелий завершает свой рассказ вопросом. Убеждая, он просит собеседницу включиться в разговор, и когда в ответ следует реплика Матрены:

— Такого-то

Богатыря могучего,

Чай, мышцы заедят! (III, 267).

Савелий размышляет уже под несомненным влиянием мысли, которую он уловил в иронических словах собеседницы.

Однако терпение и здесь еще выступает как богатырское свойство:

Не знаю я, Матренушка.
Покамест тягу страшную
Поднять-то поднял он,
Да в землю сам ушел по грудь
С натуги! По лицу его
Не слезы — кровь течет! (III, 267).

Спор героев не завершен. Он «вспыхивает» с новой силой в момент тягчайшего испытания Матрены — смерти сына. Вновь Савелий обращается к горькой мудрости:

Терпи, многострадальная!
Нам правды не найти. (III, 279).

И вновь Матрена возражает и ему, и себе самой. Обращаясь с молитвой к божьей матери, она говорит:

...во мне

Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой,
Кровинки нет непорченной —
Терплю и не ропщу! (III, 294—295).

Но сказано это в момент, когда она, одна, морозной ночью, отправилась к губернатору, чтоб восстановить попорченную справедливость.

Внимание к структуре рассказа Матрены Тимофеевны побуждает учеников пристальнее всматриваться в образ рассказчицы. Так, ученики высказывают мнение, что Матрена Тимофеевна оказывается более последовательной в своем протесте, нежели Савелий. Правда, она заканчивает рассказ безысходно звучащей «бабьей притчей». Но в то же время она произносит слова, в которых — дерзкий вызов судьбе:

По мне обиды смертные
Прошли неотплаченные... (III, 304).

Таким образом, анализ диалога существенно дополняет представление учеников о героях, позволяет раскрыть «диалектику» их души, сознания, сложный душевный конфликт, который они испытывают.

Рассказывание при этом выступает не просто как прием, но как форма духовной жизни самого рассказчика.

Приближение учеников к пониманию отношений автора и героя как взаимодействия двух сознаний выражается в появлении новой установки по отношению к героям. Так, сопереживание учеников страданиям Матрены Тимофеевны обогащается более глубоким сознанием ее активной внутренней жизни, духовной силы, не утраченной в жестокой жизненной борьбе.

Приведем наиболее характерные фрагменты из высказываний учеников: «Страдания не убили в ней человека: Матрена Тимофеевна все время в поиске истины. Она спорит с Савелием о богатырстве русском, вернее, рассказывает странникам о своем мысленном споре, так как Савелия-то уже нет на свете, и явно отдает предпочтение грозной силе русского народа, а не его долготерпению».

«Вопрос о счастье для Матрены Тимофеевны — это вопрос, к которому она постоянно обращается, размышляя о жизни. Она ищет ответ на этот вопрос, обращаясь к опыту старшего поколения. Рассказ ее строится как диалог с Савелием.

«Крестьянин — богатырь», — утверждает Савелий:

Ты думаешь, Матренушка,
Мужик — не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою — а богатырь! (III, 267).

— Такого-то
богатыря могучего,
Чай, мышцы заедят!

— возражает ему Матрена Тимофеевна. Ирония, заключенная в ее словах, заставляет Савелия высказаться до конца:

Покамест тягу страшную
Поднять-то поднял он,
Да в землю сам ушел по грудь
С натуги! По лицу его
Не слезы — кровь течет! (III, 267).

...С представлениями о счастье у героини неразрывно связано представление о свободе, независимости»³.

Внимание учеников к манере повествования, помогающее им увидеть текст как целое, проявляется не только в «присвоении» того материала, который был обстоятельно проанализирован на уроке, но и в самостоятельных попытках проникновения в текст с усвоенных позиций. Они открывают за рассказом внутренний облик героев, менее очевидных и не для юного читателя, нежели данные крупным планом Савелий, Матрена Тимофеевна.

Благодаря этому содержание поэмы постепенно открывается ученикам как событие все большего числа

³ Приведены фрагменты из сочинений учеников 9-х классов 365 средней школы г. Ленинграда.

правдоискателей: они задумываются над тем, почему легенду «Про холопа примерного — Якова верного» рассказывает вчерашний лакей Викентий Александрович, а легенду «О двух великих грешниках», утверждающую правоту протеста, — смиренный богомол Иона Ляпушкин.

В сознании учеников, внимательных к особенностям повествования, голоса героев вступают «в перекличку», рождая представление о «коллективном разуме» народа.